

Предисловие к рубрике

В. Н. Фурс

Критическая теория, которая, как казалось, сошла со сцены актуальных философских дискуссий после смерти основных представителей Франкфуртской школы и стала одним из экспонатов музея интеллектуальной истории XX века, представляющих, главным образом, образовательный интерес, переживает второе рождение, воплощаясь в широком спектре современного социально-культурного критицизма. Как определенная эпистемическая модель критическая теория оказалась такой формой исследовательского самосознания, которая отвечает сегодняшней кондиции интеллектуальной деятельности и наличным тенденциям развития социогуманитарного знания и благодаря этому задает продуктивную стратегию философствования и полидисциплинарного анализа социальной жизни. Причем если классическая критическая теория характеризовалась существенным организационным и концептуальным единством, то ее современное состояние отличается очевидная размытость очертаний: выражение “критическая теория” прилагается не только к достаточно традиционным формам философии и социальных наук, но и к “культурным исследованиям”, постмодернистской, феминистской, постколониальной и т. п. теориям. Если столь гибкий подход довести до логического завершения, то к критической теории можно будет причислить вообще любое мало-мальски концептуально оформленное выражение недовольства интеллектуалов по тому или иному поводу. Соответственно важной задачей становится такая идентификация современной критической теории, которая учитывала бы неустранимую полиморфность последней, но вместе с тем выявляла бы ключевые общие характеристики данной исследовательской программы.

Подобная идентификация, по-видимому, должна начинаться с обращения к Франкфуртской школе как классической форме критической теории. Анализ, прежде всего, программных работ Макса Хоркхаймера¹ позволяет сформулировать следующие слагаемые “генеральной идеи” критической теории, значимость которой, как оказалось, не исчерпывается ее реализацией франкфуртцами:

1) Эта теория осуществляет *целостную критику реификации социальной материи в нормативном свете зрячей утопии социальной эмансипации*. Следует добавить, что овещнение социального критической теорией не только эмпирически констатируется как объективный факт, но и “вменяется” наличной действительности; в этом смысле в основе аналитической работы здесь лежит развитое “диалектическое воображение”.

2) Средством выполнения этой критической задачи является построение *полидисциплинарной общей теории социальной жизни при интегрирующей роли философской рефлексии*, выявляющей метатеоретические и методологические предпосылки социально-научных теорий.

3) Конститутивную роль в критической теории играет *историческая концепция, раскрывающая амбивалентность социальной эволюции вообще и генезиса модерна в частности*. Историческая концепция связывает абстрактную социальную теорию и фактические реалии современности; она может стремиться к соответствию исторической фактологии, но представляет собой, по существу, операционально оправданный миф.

4) *Критическая теория является формой осуществления революционной политики*. Это означает, во-первых, что, в отличие от обычной - функциональной - политики, она стимулирует трансцендирование общественного status quo. А во-вторых, что критическая теория, не нуждаясь в дополнении внешними ей видами социального действия, сама является формой политической практики: она формирует у своих реципиентов открытую идентичность как своего рода сублимированную революцию и ориентирует их на рефлексивное присвоение “отчужденных” социальных форм, результаты чего в принципе непредсказуемы.

Как представляется, выделенные слагаемые “генеральной идеи” критической теории минимально достаточны для того, чтобы в первом приближении и в самом общем плане содержательно охарактеризовать данный тип знания; однако при этом еще остается открытым вопрос о том, какой облик эта общая идея принимает в настоящее время. Современную критическую теорию отделяет от классической настоящей “эпистемологический разрыв”. Он связан, во-первых, с преодолением в ходе эволюции постметафизической философии XX века модели сознания как особого способа генерирования знания и самообоснования философии, что приводит к глубокому кризису философской рациональности и поискам нового типа философствования². Во-вторых, социальные трансформации в западном мире, начинающиеся на рубеже 60—70-х годов, оборачиваются “декомпозицией идеи общества”³, что приводит к кризису репрезентации и дивергенции социальной теории (выделению в ней постмодернистской и “неомодернистской” стратегий). В результате, современная критическая теория, концептуальное содержание которой генерируется столкновением с новыми реалиями жизненного мира, охватывает широкое исследовательское поле, разнородность которого можно наглядно представить, обозначив его границы в философии именами Хабермаса и Фуко, а в социологии - Гидденса и Бодрийера. Понятно, что выделение ключевых черт, общих для столь различных версий современной критической теории, представляет собой в высшей степени непростую задачу, и, по-видимому, одним из перспективных вариантов ее решения является экзemplярный анализ авторских концепций современных критических теоретиков, выявляющий их - не всегда явные - предпосылки.

Тексты, предложенные в рамках рубрики в данном номере журнала, как раз и представляют собой подобный опыт самосознания современной критической теории. Книга Акселя Хоннета “Критика власти: ступени рефлексии критической теории общества” содержит систематический анализ концепций, во-первых, Хоркхаймера и Адорно как клю-

чевых представителей Франкфуртской школы и, во-вторых, Хабермаса и Фуко как опорных фигур современной критической теории. Основная мысль книги состоит в том, что многообещающая программа критической теории общества, заявленная Хоркхаймером еще в 30-е годы, на самом деле так и не была реализована в рамках Франкфуртской школы. Небольшой фрагмент второй части книги “Новое открытие социального: Хабермас и Фуко”, перевод которого представлен ниже, резюмирует основную причину такой неудачи: непреодоленное влияние спекулятивной философии истории сделало невозможным программно провозглашенный союз с эмпирическим социально-научным знанием. Только в современном философском дискурсе, в котором “своеобразие социального” становится одним из тематических приоритетов, складываются предпосылки для такого союза; это обстоятельство позволяет также объяснить востребованность идеи критической теории общества современным мышлением. Хоннет подчеркивает, что отождествление критической теории с Франкфуртской школой, приобретшее характер устойчивого предрассудка, является лишь тормозом на пути поиска новых форм реализации этого проекта: современная критическая теория свободна от школьных рамок, это широкая исследовательская программа, открытая для продуктивного диалога с иными интеллектуальными традициями.

Книга Томаса Маккарти “Идеалы и иллюзии: О реконструкции и деконструкции в современной критической теории” представляет собой интересную и поучительную попытку систематически представить многообразие современного критицизма. Последний, как отмечает Маккарти во “Введении” (см. ниже), восходит к Кантовской критике разума, который, однако, в радикально постметафизическом мышлении предстает уже не как “чистый” и бестелесный, а как культурно артикулированный, социально и прагматически вовлеченный разум. Современная критико-теоретическая оппозиция реконструкции (представленной, прежде всего, Хабермасом) и деконструкции (связываемой Маккарти не только с Деррида, но и с Фуко и Рорти) предзаложена уже в двойственности Кантовых идей разума: последние воспринимаются либо как необходимые предпосылки нашего мышления, которые следует корректно реконструировать, либо как иллюзии спекулятивной метафизики, которые надлежит бескомпромиссно деконструировать. Обе оценки, по Маккарти, по своему правомерны, но в своей односторонности недостаточны. Пафосом книги является демонстрация “единства многообразия” современной критической теории.

Само собой разумеется, что книги Хоннета и Маккарти не снимают с повестки дня вопрос об определении принципиальных контуров современной критической теории - это по-прежнему открытая задача. И не только потому, что приведенные версии ее решения во многом не полны. Дело в том, что критическая социальная теория сегодня представляет собой один из основных вариантов “активной философии”, т. е. такой философии, которая не сводится к мертвой систематике учебного предмета, по привычке включаемого в цикл университетского образования, равно как и к дурной бесконечности комментирования текстов “великих философов”. Это философия, которая продолжает развиваться, отвечая на вызовы быстро меняющегося мира и стараясь сделать его

менее мнимо-понятным и более нашим. При таком подходе действительная значимость современной критической теории состоит для нас в том, что это не просто модная западная штучка, а позитивная возможность собственного мышления, для содержательной конкретизации которой и требуется определение принципиальных характеристик данной исследовательской программы. Так что, очерчивание контуров современной критической теории - это задача, адресованная нами в конечном счете нам же самим⁴.

Примечания

- ¹ См.: Фурс В. Н. *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Минск: Экономпресс, 2000. С. 194-200.
- ² См., напр.: *After Philosophy: End or Transformation?* Ed. by K. Baynes, J. Bohman, and Th. McCarthy. Cambr., Mass., L.: The MIT Press, 1987. О модели сознания в контексте эволюции постметафизической философии см. в моей статье "Эпистемологические импликации постмодерного состояния" (Топос. №1. Минск, 2000).
- ³ Формула Алена Турэна (См.: *Le Retour de l'acteur: Essai de sociologie*. Paris: Fayard, 1984).
- ⁴ Коллективной попыткой самостоятельного решения этой задачи является теоретический семинар, который автор проводит в 2000/01 учебном году в Европейском гуманитарном университете. Результаты работы семинара предполагается публиковать в следующих номерах журнала, однако с релевантными текстами (программой, материалами к заседаниям, тезисами докладов, авторскими статьями участников, посвященными различным аспектам темы, и т. п.) уже сейчас можно ознакомиться на Интернет-сайте семинара: internettrash.com/users/seminar.